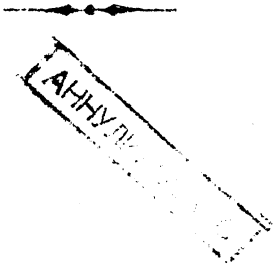
Кн. ЕВГЕНІЙ ТРУБЕЦКОЙ.

ЗВѢРИНОЕ ЦАРСТВО

И

ГРЯДУЩЕЕ ВОЗРОЖДЕНІЕ РОССІИ.



1919.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

1768
64

I

Для страшнаго суда исторіи надъ народами Европы завершились суровымъ и жестокимъ приговоромъ: великая европейская война закончилась полнымъ ихъ проваломъ и посрамленіемъ. И, что всего замѣчательнѣе, участь побѣдителей почти такъ же тяжела, какъ и участь побѣжденныхъ. Всѣ мечты, связанныя съ войною, разбиты жизнью. Рухнули великодержавныя начинанія, не достигнуты и гуманитарныя цѣли войны: ея результаты сказались въ полномъ противорѣчіи съ ея заданіями.

По отношенію къ народамъ побѣжденнымъ эта мысль не нуждается въ доказательствахъ. Что сталось съ тѣми міровыми замыслами о серединной нѣмецкой имперіи, которые олицетворялись тремя громкими именами — Берлинъ, Византія, Багдадъ!

Достигли ли благополучія побѣдители? Наоборотъ, всѣ бывшіе во Франціи послѣ заключенія перемирія единодушно свидѣтельствуютъ, что тамъ вмѣсто радости царитъ озабоченное и подавленное настроеніе. Отвоеваны у Германіи Эльзасъ и Лотарингія, но это пріобрѣтеніе не въ состояніи вознаградить французовъ за тяжесть страданій, которую имъ приходится нести. Всеобщее разоренье, непомѣрное возрастаніе налоговъ, вызванныхъ войною, революціонныя броженія и вновь назрѣвающая опасность со стороны Германіи заставляютъ Францію жить въ состояніи непрекращающейся тревоги. Многимъ ли лучше положеніе Англіи? Она пріобрѣла нѣмецкія колоніи, взяла себѣ весь германскій флотъ и въ результатѣ стоитъ передъ **опасностью** собственнаго расчлененія, которое грозитъ ей и въ Индіи и въ Ирландіи. А революціонныя броженія, которыя начинаются въ Великобританіи, опаснѣе и сильнѣе тѣхъ, которыя происходятъ во Франціи. И вызваны они все той же причиной. Война создала крайне тяжелое экономическое положеніе, а побѣда не принесла ни счастья ни радости побѣдителю.

Европа переживаетъ великую экономическую разруху и стоитъ передъ опасностью неслыханныхъ потрясеній. Но гораздо страшнѣе экономическихъ бѣдствій тотъ духовный обликъ человѣчества, который обнаружился въ этой войнѣ. И у насъ и у нашихъ союзниковъ было написано и сказано много справедливаго о германскомъ хищничествѣ: если бы восторжествовалъ нѣмецкій имперіализмъ съ его программой порабощенія Россіи и Востока, это, конечно, не было бы торжествомъ правды въ мірѣ. Но какая же «правда» выразилась въ побѣдѣ нашихъ союзниковъ? Увы, эта побѣда являетъ міру тѣ же по существу нравственныя начала, которыя восторжествовали бы и въ случаѣ побѣды Германіи. Союзники подражаютъ худшимъ пріемамъ нѣмцевъ, дѣлаютъ то самое, что дѣлали бы они, если бы очутились въ роли побѣдителя. У нихъ одинъ страхъ, одна забота, какъ бы поверженный врагъ не всталъ; и вотъ они стараются **придушить** его, оправдываясь тѣмъ, что иначе **онъ** ихъ задушитъ. Въ общемъ—это политика трусливаго

звѣря, тотъ элементарный способъ огражденія собственной безопасности, къ которымъ прибѣгаютъ собаки въ дракѣ: коли грызть, такъ ужъ до смерти.

Но этимъ дѣло не ограничивается: такія мѣры, какъ захватъ нѣмецкаго торговаго флота и сельско-хозяйственныхъ машинъ или наложеніе чудовищной контрибуціи, очевидно, не могутъ быть оправданы необходимой самообороной. Тутъ уже мы имѣемъ явные акты хищенія — то самое беззастѣнчивое примѣненіе «права сильнаго», которое всегда справедливо ставилось въ упрекъ Германіи. Союзники обыкновенно оправдываютъ такія мѣры, какъ «справедливое возмездіе»: «съ Германіей, молъ, надо поступать такъ, какъ сама она съ другими поступала». Но это значитъ **подражать** Германіи, слѣдовать нормѣ ея поведенія.

Неправда родитъ ненависть и потому является источникомъ новыхъ опасностей для будущаго. Повторяя ошибки врага, союзники готовятъ себѣ его участь. Современное намъ крушеніе Германіи было подготовлено тѣмъ опьяненіемъ, которое вызвали въ 1870—1871 г. ея побѣды: это отместка Франціи за Эльзасъ и Лотарингію. Теперь Англія, Франція и Америка возобновляютъ тотъ же опытъ, погубившій Германію: своими неслыханно тяжелыми мирными условіями они толкаютъ нѣмцевъ на путь реванша. Безуміе побѣдителя и на этотъ разъ скопляетъ горящіе уголья ему на голову: но теперь — очередь союзниковъ.

При этихъ условіяхъ нечего удивляться провалу тѣхъ гуманитарныхъ лозунговъ войны, которые выставлялись обѣими сторонами. Въ началѣ войны обѣими воюющими сторонами было сказано много красивыхъ словъ о необходимости «вести войну противъ войны». Обѣ воюющія стороны повторяли, что ихъ задача — дать міру миръ и сдѣлать войну на будущее время невозможною. Мысль — явно утопическая, потому что изъ войны ничего, кромѣ войны, родиться не можетъ. Великая европейская война была съ самаго начала проявленіемъ зоологическаго начала въ человѣчествѣ, а гуманитарныя мечты были только прикрасою. Теперь прикрасы отлетѣли, а сущность осталась. И вотъ мы видимъ, что только что окончившаяся міровая война таитъ въ себѣ зародыши великаго множества новыхъ войнъ — маленькихъ и большихъ.

Державы согласія стремились къ освобожденію малыхъ народовъ, видя въ этомъ оплотъ противъ всемірно-завоевательныхъ стремленій большихъ государствъ. Но зоологическое начало и тутъ оказалось сильнѣе мечты. Во-первыхъ, программа всемірнаго освобожденія малыхъ народовъ проводится неискренно и неполно; она не распространяется на Ирландію и на Индію и, стало быть, осуществляется лишь постольку, поскольку это выгодно побѣдителю. Во-вторыхъ, при существующемъ нравственномъ уровнѣ человѣчества проведеніе въ жизнь этой освободительной программы ведетъ лишь къ замѣнѣ крупныхъ хищниковъ мелкими и средними. При этихъ условіяхъ неудивительно, что освобожденіе малыхъ народовъ является источникомъ новыхъ войнъ, ибо оно увеличиваетъ количество спорящихъ изъ-за брошенной кости. «Малые народы» оказываются рѣшительно не въ состояніи размежеваться между собой и съ сосѣдними державами; мирный контрактъ, засѣдающій въ

Парижъ, испуганъ ихъ волчьими аппетитами. Только что освободившаяся Польша уже ведетъ войну не то на два, не то на три фронта — противъ Украины, Германіи и Совдепіи. Италія и Сербія порвали дипломатическія отношенія; Венгрія и Румынія готовы броситься другъ на друга.

Но эта новая борьба народовъ — ничто въ сравненіи съ той безпощадной междоусобной войною, которая началась въ Россіи и грозитъ вспыхнуть во всѣхъ странахъ міра. Логическое завершеніе «войны до побѣднаго конца» не есть всеобщій миръ, а именно это перенесеніе войны вовнутрь государствъ, въ каждый городъ, въ каждую деревню, въ самый интимный міръ человѣческой семьи. Съ такимъ же правомъ, какъ раньше державы согласія, большевики теперь могутъ сказать, что они «ведутъ войну противъ войны»; ибо въ тотъ день, когда врагъ (въ данномъ случаѣ буржуазія) будетъ сломленъ или истребленъ, классовая война станетъ тѣмъ самымъ разъ навсегда невозможною.

Въ современныхъ событіяхъ передъ нами развертывается картина всеобщаго массоваго безумія.

Всѣ народы Европы годами готовили и продолжаютъ готовить себѣ гибель. На примѣрѣ Германіи въ 1871 году и державъ согласія въ 1919 году мы видимъ, что къ гибели ведутъ какъ разъ тѣ средства, которыми думаютъ ее предотвратить. Есть и другіе примѣры, еще болѣе яркіе.

Десятками лѣтъ Европа готовилась къ войнѣ; для войны всѣ народы лихорадочно вооружались. Всѣ говорили:—«если хочешь мира, готовь войну»; но именно эти лихорадочныя вооруженія и сдѣлали войну въ извѣстный моментъ неизбѣжною: они породили ту атмосферу всеобщаго взаимнаго недовѣрія и страха, при которой малѣйшаго повода оказалось достаточно, чтобы вызвать міровой пожаръ: Германія создала этотъ поводъ просто потому, что въ данный моментъ она превосходила своихъ сосѣдей вооруженіемъ, а въ будущемъ опасалась быть превзойденною ими... Въ цѣляхъ военной защиты государствъ была изобрѣтена всеобщая воинская повинность; но именно она-то и послужила источникомъ величайшей для нихъ опасности, такъ какъ всеобщее вооруженіе народныхъ массъ подготовило путь большевизму. Его прямое послѣдствіе—попытка этихъ самыхъ массъ использовать свое оружіе для борьбы противъ буржуазіи. На примѣрѣ Россіи мы видимъ, какъ великое государство десятками лѣтъ выковывало оружіе для собственнаго разрушенія.

И дѣлала это не одна Россія.—Развѣ мы не были свидѣтелями ряда самоубійственныхъ мѣръ Германіи? Она сѣяла большевизмъ въ Россіи и теперь сама пожинаетъ плоды этого посѣва въ междоусобной войнѣ противъ спартаковцевъ, получающихъ субсидіи изъ Москвы.—Она вела подводную войну противъ «антанты» и въ результатѣ терпитъ голодъ, вслѣдствіе массоваго истребленія кораблей, которые могли бы снабжать ее хлѣбомъ. А въ данную минуту самоубійствомъ занимаются французы, которые готовятъ противъ себя взрывъ ненависти въ Германіи и въ это же самое время отдаютъ на растерзаніе большевизму своего единственно надежнаго союзника—Россію.

До всѣхъ странъ міра нѣтъ недостатка въ сознательныхъ, зрячихъ, которыя понимаютъ, что совершается безуміе, знаютъ и способны предотвратить надвигающуюся опасность.—Но міромъ правятъ зоологическія страсти, и разумъ этихъ немногихъ неизмѣнно оказывается безсильнымъ: вопреки ему безуміе торжествуетъ, и человѣчество **стихійно** движется къ катастрофѣ.—Въ 1871 году Бисмаркъ ясно сознавалъ опасность присоединенія къ Германіи Эльзаса и Лотарингіи, но онъ былъ безсиленъ бороться противъ стихійнаго взрыва шовинизма и напора нѣмецкой военной партіи.—Возможно ли, что теперь между французами нѣтъ дѣятелей, сознающихъ опасность—доводить нѣмецкій народъ до отчаянія? Но мы не слышимъ ихъ голосовъ потому, что всякая попытка ограничить размѣры чудовищной контрибуціи съ Германіи вызвала бы во Франціи стихійный взрывъ негодованія. Бываютъ случаи, когда государственные люди поступаютъ вопреки велѣніямъ собственнаго разума, **потому что они вынуждены ублажать массы.**—Бываютъ и другіе случаи, когда представители высшаго государственнаго сознанія приносятся въ жертву стихійнымъ настроеніямъ именно потому, что они сознаютъ опасность, угрожающую родинѣ, и борются противъ массоваго безумія. Если до сихъ поръ это не случилось съ Клемансо, то только потому, что онъ отказался отъ проведенія въ жизнь своей программы спасенія Россіи, а съ нею вмѣстѣ и Франціи.

Можно указать и другіе яркіе примѣры. Опасность всеобщей воинской повинности задолго до войны была сознана и неоднократно указывалась въ литературѣ всѣхъ странъ. Революціонныя соціалистическія движенія повсемѣстно возлагали на нее надежды. Но, какъ бы глубоко ни сознавалась опасность, она стихійно навязывалась всѣмъ потому, что каждый народъ долженъ сообразовать свои вооруженія съ вооруженіями сосѣда: никто не смѣетъ отставать; всякій вынужденъ воспроизводить у себя даже опасныя и безумныя мѣры сосѣдней державы, если онѣ хотя бы временно усиливаютъ могущество послѣдней. Въ частности Россія была принуждена осуществлять у себя тотъ нѣмецкій милитаризмъ, который былъ роковой причиной большевизма, **потому что иначе была бы съѣдена Германіей.**

Мы имѣемъ тутъ одно изъ роковыхъ противорѣчій всемірной культуры. Всѣ народы въ мірѣ боятся опасности, угрожающей отъ другихъ народовъ-хищниковъ. Но для того, чтобы бороться противъ этой опасности, всѣ, въ свою очередь, приспособляются къ войнѣ и хищенію; всѣ принимаютъ образъ звѣриный; тѣмъ самымъ всѣ усугубляютъ и усиливаютъ опасность войны вмѣсто того, чтобы избѣжать ее. Современныя государства съ ихъ колоссальными вооруженіями, съ ихъ сложнымъ и могущественнымъ аппаратомъ, разсчитаннымъ на взаимное истребленіе, чрезвычайно похожи на ощетинившихся другъ противъ друга чудовищъ. Въ самомъ ихъ строеніи запечатлѣлся гигантскій образъ коллективнаго звѣря. Чѣмъ глубже проникаетъ въ жизнь этотъ зловѣщій образъ, тѣмъ больше война подчиняетъ себѣ всѣ человѣческія отношенія.

Отсюда то психологическое настроеніе, изъ котораго выросли всѣ ужасы войны междоусобной. Вѣками изживали христіанскіе

народы жестокое противорѣчіе. Они исповѣдывали заповѣди любви, но только для домашняго употребленія—**внутри государства,** а рядомъ съ этимъ въ международныхъ отношеніяхъ слѣдовали морали каннибаловъ. Въ концѣ концовъ душа не выдерживаетъ такой двойной бухгалтеріи, противорѣчіе для нея не проходитъ даромъ. Можно ли допускать, чтобы человѣкъ былъ кровожаднымъ тигромъ по ту сторону государственной границы, и въ то же время требовать, чтобы онъ былъ кроткимъ агнцемъ по сю сторону? Это психологически невозможно. И вотъ мы видимъ, что міровая война, разнуздавшая звѣря въ международныхъ отношеніяхъ, тѣмъ самымъ подготовила его вторженіе и въ отношенія внутреннія. Это доказывается всѣми современными переживаніями.

Достаточно послушать разсказы солдатъ, вернувшихся съ войны, чтобы понять, какъ и почему эти люди превратились въ кровожадныхъ большевиковъ. Война воспитала ихъ въ мысли, что по отношенію къ врагу все дозволено, и послужила для нихъ школою холодной, расчетливой жестокости; убійство стало для нихъ дѣломъ легкимъ и обычнымъ, простѣйшимъ выходомъ изъ тѣхъ трудныхъ положеній, которыя такъ часты на войнѣ. Какъ поступить съ врагомъ, который сдается въ плѣнъ во время наступленія? Вести съ собою впередъ—нельзя, оставлять въ тылу одного—опасно, а тратить силы на то, чтобы его стеречь — значитъ себя ослаблять; всего проще — его пристрѣлить. Такъ же просто — приколоть какую-нибудь нѣмку, если явится мысль, что она **можетъ** донести своимъ о мѣстопребываніи русскаго отряда. Если понадобится чужое добро во вражескомъ селеніи, то чего же проще его реквизировать и ничего не заплатить! Изъ этихъ повседневныхъ военныхъ эпизодовъ слагается цѣлый кодексъ поведенія и та особая психологія, которую мы наблюдаемъ въ большевистскихъ массахъ.

Какъ только массы повѣрили, что врагъ — не внѣ, а внутри государства, весь обычный кодексъ войны сталъ примѣняться къ этому внутреннему врагу. Избіеніе «буржуевъ» и офицеровъ, грабительскія реквизиціи «по праву войны» стали дѣломъ легкимъ и обычнымъ. Въ этихъ принципахъ воспитало массы то самое милитаристическое государство новаго времени, которое теперь на нашихъ глазахъ рушится подъ ихъ напоромъ. Насъ часто приводитъ въ негодованіе **аморализмъ** большевиковъ, которые для торжества коммунистическаго строя считаютъ дозволенными всѣ средства. Но не слѣдуетъ забывать, что все современное государство безпринципно въ той же мѣрѣ! Развѣ не оно воспитало людей въ мысли, что нравственныя правила обязательны только въ жизни индивидуальной, что въ политикѣ дозволены всякія мерзости, и что для цѣлей государства хороши всѣ средства. Большевикамъ оставалось только примѣнить эту точку зрѣнія къ государству коммунистическому.

Война разнуздала звѣря въ человѣкѣ. Отсюда и происходитъ тотъ грузъ, который увлекаетъ современныя государства въ бездну. Отсюда неудержимое влеченіе современныхъ народовъ къ большевизму. Всѣ катятся къ нему, словно по наклонной плоскости: мало того, — способствуютъ его успѣхамъ своими дѣйствіями.

Кто только изъ современныхъ народовъ не поработалъ въ пользу большевизма! Германія его насаждала, оплачивала его пропаганду въ Россіи; но Россія въ долгу не осталась; теперь она пропагандируетъ большевизмъ въ Германіи. Низверженіемъ императора Вильгельма президентъ Вильсонъ далъ толчокъ его распространенію; а теперь уже всѣ державы согласія толкаютъ къ нему нѣмцевъ, вводворяя въ Германіи голодъ и нищету тяжкими условіями мира. Онѣ создаютъ и поддерживаютъ среди нѣмцевъ ту революціонную атмосферу, которая рано или поздно заразитъ ихъ самихъ. Теперь вся надежда нѣмецкаго реванша на то, что большевистская зараза проникнетъ во Францію. Словомъ, державы согласія поступаютъ съ Германіей совершенно такъ же, какъ недавно Германія поступала съ Россіей. Естественно, что и результаты будутъ тѣ же.

Но самое роковое знаменіе времени для державъ согласія — ихъ безсиліе по отношенію къ большевикамъ, безсиліе не физическое, а **духовное.** Физически силы большевиковъ ничтожны сравнительно съ силами союзныхъ армій; при этомъ выдающіеся государственные люди Англіи и Франціи прекрасно понимаютъ международную опасность большевистскаго очага заразы, ведущаго дѣятельную пропаганду по всемъ мірѣ. И, однако, чего-чего не дѣлается союзниками, чтобы какъ-нибудь не тронуть пальцемъ большевиковъ! И приглашеніе на Принцевы острова, и забвеніе тяжкихъ оскорбленій, нанесенныхъ въ Москвѣ и Петроградѣ ихъ посланникамъ. Попытка величайшаго народнаго героя Франціи — Клемансо—вмѣшаться въ русскія дѣла потерпѣла полное крушеніе, и мы начинаемъ понимать, въ чемъ дѣло. — Всѣ европейскіе народы такъ или иначе испытываютъ на себѣ дѣйствіе большевистскаго яда. Событія въ Одессѣ показали всю невозможность заставить французскаго солдата сражаться съ большевиками. Тѣ самыя войска, которыя побѣждали болгаръ и нѣмцевъ, бѣжали передъ большевистскими бандами потому, что упорно не хотѣли драться. При этихъ условіяхъ неудивительно, что и въ Парижѣ французскіе «товарищи» оказались сильнѣе Клемансо.

Въ итогѣ за послѣдніе годы все въ мірѣ дѣлалось и дѣлается въ пользу большевиковъ. Какъ будто для нихъ народы вооружались, для нихъ вели міровую войну, а теперь заключаютъ тотъ жестокій, грабительскій миръ, который только имъ можетъ быть полезенъ.

Это доказываетъ, что большевизмъ для современныхъ народовъ не есть что-то случайное и внѣшнее: это — какая-то роковая болѣзнь, которая таится въ ихъ крови. И мы видимъ, какая именно. — Въ большевизмѣ сталъ явнымъ тотъ «образъ звѣриный», который уже задолго до войны жилъ въ душѣ народовъ, вынашивался всею жизнью современнаго государства.

Тутъ передъ нами обнажается провалъ всемірной культуры.— Вѣками работала она надъ человѣческимъ обществомъ и все-таки потерпѣла жестокую неудачу въ самомъ главномъ: человѣкъ остался все тѣмъ же хищникомъ, какимъ онъ былъ въ доисторическую эпоху, но при этомъ хищникомъ во всеоружіи средствъ современной техники. И вся его цивилизація — не болѣе, какъ тонкое покрывало, наброшенное на злую жизнь. Несмотря на настойчивыя

попытки очеловѣчить общество, взаимныя отношенія народовъ продолжаютъ покоиться на чисто зоологическомъ принципѣ—кровавой борьбы за существованіе: у кого сильнѣе челюсть, тотъ и правъ.

Это преобладаніе зоологическаго начала сказывается въ особенности въ томъ значеніи, какое пріобрѣла война въ жизни современныхъ народовъ. Лозунгъ «все для войны», провозглашенный въ послѣдніе годы, въ сущности выражалъ собою главное содержаніе общественной и государственной жизни уже задолго до начала войны міровой. Ибо въ мирное время Европа представляла собою огромный военный лагерь, гдѣ все вооружалось, все готовилось и приспособлялось къ грядущей войнѣ. Все было подчинено войнѣ: промышленность, техника, самый умъ человѣка, извощрявшійся въ изобрѣтеніи способовъ взаимнаго истребленія, и, наконецъ, его сердце, впитывавшее въ себя варварскую энергію. Человѣкъ становился орудіемъ войны съ головы до пятокъ.

Такое приспособленіе къ войнѣ самаго духовнаго облика человѣка не можетъ пройти для него безнаказанно.—Неудивительно, что, въ концѣ-концовъ, оно создало типъ **человѣка-тигра** и что этотъ типъ во многихъ странахъ міра пріобрѣлъ преобладающее значеніе, захватилъ власть и вліяніе (вспомнимъ Троцкаго и Петерса). Въ этомъ и заключается торжество большевизма. Большевизмъ — не болѣе и не менѣе, какъ немезида современной культуры, — это — обнаженіе таившейся въ ней темной силы зла.

Вдумываясь въ господствующія теченія современной жизни и мысли, мы безъ труда поймемъ, почему въ современномъ об-вѣ такъ легко стерлась грань между человѣческимъ и звѣринымъ. Вѣдь въ наши дни самое отличіе человѣка отъ животнаго утрачено, забыто. Житейскій матеріализмъ, забвеніе духовныхъ цѣнностей, болѣе того, **практическое отрицаніе духа,**—вотъ наиболѣе характерныя черты современнаго духовнаго склада.—Отсюда тотъ нездоровый экономизмъ народовъ Европы, который привелъ ихъ къ войнѣ.—Міровая война вызвана стремленіемъ однихъ народовъ создать свое матеріальное благополучіе на костяхъ другихъ. Въ существѣ своемъ это была та же отвратительная борьба животныхъ изъ-за пищи, которую сильный микроскопъ можетъ открыть въ любой каплѣ застоявшейся воды. Было здѣсь и нѣчто худшее. Для животныхъ путь кровавой борьбы за существованіе естественъ: пожирая другъ друга, они осуществляютъ законъ своей природы. Наоборотъ, для людей это взаимное пожираніе — путь паденія, потому что этимъ самымъ его духъ порабощается закону низшей, **подчеловѣческой** области жизни и отрекается отъ собственной своей природы.

Всмотритесь въ большевизмъ и вы увидите, что именно это паденіе составляетъ его сущность. **Сознательное отреченіе отъ духа,** вотъ въ чемъ для него основной принципъ всего общественнаго строенія.

Матеріализмъ въ Совдепіи пріобрѣлъ значеніе какъ бы нѣкотораго догмата вѣры и въ качествѣ такового преподается въ школахъ. При этихъ условіяхъ неудивительно, что большевики не могли удержаться на точкѣ зрѣнія религіозной свободы, которую

они лицемѣрно исповѣдуютъ, и вступали на путь открытаго гоненія противъ религіи, какъ такой. Религіозная вѣра въ животворящій Духъ Божій есть отрицаніе самыхъ основъ большевистскаго общежитія; поэтому большевики не могли ограничиться упраздненіемъ Закона Божія, какъ обязательнаго предмета для учащихся: они должны были совершенно воспретить его преподаваніе. Этимъ же обусловливается большевистскій декретъ, отрицающій за религіозными обществами какія-либо имущественныя права. — Цѣль большевиковъ заключается въ томъ, чтобы сдѣлать всякія внѣшнія проявленія вѣры и церкви невозможными, уничтожить самый культъ путемъ націонализаціи храмовъ и священныхъ предметовъ.

Если они не доводятъ эту попытку до конца, это обусловливается не какими-либо принципіальными препятствіями, а единственно практическою невозможностью, боязнью вызвать бурныя проявленія народнаго негодованія. Подлинное отношеніе большевизма къ религіи выражается не въ равнодушіи, **а въ ненависти,** въ разстрѣлахъ, издѣвательствахъ и мученіяхъ священниковъ, ибо самое существо большевизма есть **активная вражда противъ духа.**

Этой же враждой обусловливается отрицаніе всякихъ духовныхъ связей общежитія.—Самыя національныя отличія между людьми, съ точки зрѣнія большевиковъ, призрачны именно потому, что это—**отличія духовныя.** Реальны, существенны, съ ихъ точки зрѣнія, только отличія **матеріальныя, экономическія.** Есть на свѣтѣ только двѣ націи, съ которыми они считаются, имущіе и неимущіе, буржуазія и пролетаріатъ. И, такъ какъ между людьми нѣтъ и не должно быть какихъ-либо духовныхъ связей, отношенія между этими двумя «націями» должны рѣшаться голымъ зоологическимъ началомъ борьбы за существованіе. Пролетаріатъ становится единственнымъ обладателемъ всѣхъ матеріальныхъ благъ не въ силу какихъ-либо требованій справедливости, а исключительно **по праву сильнаго.**—Съ большевистской точки зрѣнія, въ классовой борьбѣ осуществляется не какая-либо высшая правда, а единственно право большихъ рыбъ глотать малыхъ рыбъ: раньше это право осуществлялось буржуазіей. Теперь очередь за пролетаріатомъ. И никакія гуманитарныя соображенія не должны смягчать и ограничивать этого права большого звѣря на его добычу. Классовая борьба, какъ ее понимаютъ большевики, совершенно такъ же жестока и безпощадна, какъ борьба за существованіе въ животномъ царствѣ: она можетъ кончиться только истребленіемъ одного изъ противниковъ.

Въ большевистскомъ общежитіи нравственныя и правовыя нормы замѣняются просто-на-просто массовымъ **аппетитомъ.** Всякіе ограниченія и запреты въ этомъ отношеніи существуютъ только для отдѣльныхъ личностей, а не для массы. Коллективный произволъ «рабоче-крестьянской бѣдноты» въ Совдепіи рѣшительно ничѣмъ не сдержанъ. Ей принадлежитъ ничѣмъ не ограниченное право распоряжаться жизнью и добромъ отдѣльныхъ гражданъ. Повальный грабежъ и море пролитой крови показываютъ, какъ пользуются большевистскія массы этимъ правомъ.—А о томъ, какъ ревниво оно охраняется, свидѣтельствуютъ и массовыя казни «бур-

жуевъ» и воспрещеніе покупать цѣлый рядъ предметовъ первой необходимости тѣмъ, кто не стоятъ «на совѣтской платформѣ». Не даромъ Ленинъ сказалъ, что тотъ, кто не полезенъ совѣтской республикѣ, можетъ умирать! Невольно вспоминается требованіе апокалиптическаго «звѣря, выходящаго изъ земли», который принуждаетъ всѣхъ живущихъ на землѣ поклоняться другому звѣрю, «выходящему изъ моря».

И онъ сдѣлаетъ то, что всѣмъ малымъ и великимъ, богатымъ и нищимъ, свободнымъ и рабамъ положено будетъ начертаніе на правую руку ихъ или на чело ихъ; и что никому нельзя будетъ ни покупать, ни продавать, кромѣ того, кто имѣетъ сіе начертаніе или имя звѣря или число имени его (Апок. XIII, 16, 17).

Всѣ типическія особенности большевистскаго склада вытекаютъ изъ указаннаго основного начала большевистскаго жизнепониманія. Мы часто слышимъ о привилегированномъ положеніи физическаго труда въ Совдепіи по сравненію съ трудомъ умственнымъ и даже о прямомъ гоненіи большевиковъ противъ интеллигенціи. Это опять-таки частное проявленіе все того же отрицанія духа. Человѣкъ цѣнится у большевиковъ, какъ представитель матеріальной силы; естественно, что носители силы умственной, духовной у нихъ въ пренебреженіи. Пресловутая «соціализація женщины» опять-таки характерна для матеріалистическаго жизнепониманія, которое низводитъ женщину до уровня самки.

Есть что-то сатанинское въ томъ оплеваніи человѣческаго достоинства, въ томъ низведеніи человѣка до скотскаго уровня, которое составляетъ характерную черту большевизма. Это не простое разнузданіе человѣческихъ страстей, а звѣропоклонство, подчиненіе человѣческаго звѣриному, возведенное въ основное начало общежитія. Конечный результатъ такого жизненнаго склада есть полное разложеніе всякихъ общественныхъ связей, окончательное разрушеніе человѣческаго общежитія. Мы видѣли, что большевизмъ пытается разрушить церковь, націю, семью, что онъ признаетъ лишь то общественное единство, которое покоится на чисто матеріальныхъ интересахъ. Его сущность сводится къ попыткѣ совершенно выбросить за бортъ всякія духовныя начала и построить человѣческую жизнь на чисто матеріалистическихъ началахъ. Такъ какъ матеріализмомъ теперь пропитана вся жизнь, вся психика современныхъ народовъ, эта попытка имѣетъ не мѣстное только значеніе. Такъ или иначе весь міръ долженъ пройти черезъ этотъ соблазнъ, всѣ народы должны переболѣть этой болѣзнью большевизма. Мы, русскіе, заболѣвшіе ей раньше всѣхъ, видимъ всю бездонную глубину этой пропасти, въ которую вслѣдъ за нами стремятся народы Европы. Люди, которые объединены между собою одними матеріальными интересами, напоминаютъ волковъ, которые соединяются въ стаи, чтобы добывать пищу, но при отсутствіи добычи пожираютъ другъ друга.

Это не человѣческое, **а звѣриное царство,** которому суждено пройти всѣ ступени человѣческаго паденія. Мы знаемъ, что въ Петроградѣ дѣло уже дошло до людоѣдства въ буквальномъ смыслѣ.

Можетъ ли удаться эта попытка, восторжествуетъ ли звѣриное началю въ человѣчествѣ? Это и есть вопросъ, на который мы призваны отвѣтить.

Сейчасъ уже намѣчаются опредѣленныя данныя для его рѣшенія. Общественное строеніе, построенное на матеріалистическихъ началахъ, неизбѣжно таитъ въ себѣ зародыши собственнаго разрушенія, потому что законъ его жизни есть нескончаемый, непримиримый споръ собакъ изъ-за брошенной кости. Никакое экономическое единство не въ состояніи устоять противъ оргіи всемірнаго разрушенія, начатой большевиками. Рано или поздно большевизмъ подвергнется неизбѣжной участи «царства, раздѣлившагося на ся». Тогда для измученнаго человѣчества начнется процессъ исцѣленія; намъ предстоитъ поговорить здѣсь о томъ, какъ и при какихъ условіяхъ онъ можетъ совершиться.

II.

Большевизмъ возникъ и выросъ въ міровую величину на почвѣ духовнаго паденія народовъ. Поэтому и освобождаться отъ него можно только путемъ духовнаго подъема.

То угасаніе духа, которое подготовило почву для большевизма, тѣсно связано съ совершившимся за послѣднія десятилѣтія пышнымъ расцвѣтомъ матеріальной культуры. Быстрый ростъ матеріальнаго благополучія всюду оказалъ на человѣческую душу одно и то же отрицательное вліяніе. Онъ усыпилъ духовную жизнь. Сладкая мечта о земномъ раѣ, нынѣ одурманившая демократическія массы, первоначально выросла на почвѣ сытости и довольства. Сначала ею жило привилегированное меньшинство. Но вотъ въ дни величайшихъ страданій міровой войны солдаты изъ окоповъ увидали издали этотъ рай богатыхъ и спекулянтовъ. Большевики сказали: «берите: онъ вашъ», «миръ на фронтѣ, война внутри государства»; и въ тылу у арміи загорѣлось кровавое зарево.

Роковая причина этого пожара—угасаніе духа. Утраченныя духовныя цѣнности были замѣнены идолами. А идолы, какъ бы они ни различались между собой, всегда кровожадны и требуютъ человѣческихъ жертвъ. Отого-то одно идолопоклонство такъ легко переходитъ въ другое. Поклоненіе «златому тельцу» породило между людьми взаимную ненависть и вызвало войны. А ненависть и вражда отдали человѣчество во власть «звѣря, выходящаго изъ бездны». Конецъ этой нечистой власти настанетъ лишь тогда, когда душа народовъ освободится отъ околдовавшаго ее плѣна. Взгляните на сѣверъ Россіи: тамъ обольстительная мечта, одурманившая народныя массы, окончательно разбита жизнью.—Обѣщанный большевиками земной рай, манившій издали, исчезъ, какъ миражъ, и смѣнился адомъ: вмѣсто обѣщаннаго довольства и сытости народныя массы пережили полное крушеніе матеріальнаго благополучія. Они испытали весь ужасъ голода и нескончаемаго, хроническаго междоусобія.

Пока крестьяне жгли помѣщиковъ, а рабочіе въ городахъ сбирали «буржуевъ и капиталистовъ», массы еще находились во власти революціоннаго угара; но вотъ въ деревнѣ началась борьба между кабацкой голью, именуемою «бѣднотою», и хозяйственными мужиками, рабочіе въ городахъ почувствовали на себѣ всю тяжесть ненависти деревни, которая отказывается продавать хлѣбъ. Ненависть отравила всѣ человѣческія отношенія. Братъ возсталъ

на брата и отецъ на сына. Всякій, у кого оставался какой-нибудь лишній пудъ хлѣба, припасенный про черный день, почувствовалъ себя подъ контролемъ милліона завистливыхъ глазъ, которые выслѣживаютъ, чтобы обобрать. Крестьянинъ, больше всѣхъ мечтавшій о «завоеваніяхъ революціи», очутился въ положеніи «буржуя», отданнаго на потопъ и разореніе грабителямъ и реквизиторамъ изъ «бѣдноты». Чтобы вырвать у него хлѣбъ для прокормленія города, въ деревню стали посылаться вооруженные отряды. Въ среду самихъ рабочихъ проникло то же раздѣленіе на привилегированную «бѣдноту» и «приспѣшниковъ буржуазнаго строя», «контръ-революціонеровъ», обреченныхъ на закланіе. Волчьи аппетиты ближняго оказались угрозою для всѣхъ и каждаго. И уже не меньшинство богатыхъ, а «демократическія массы» поняли, что значитъ очутиться въ когтяхъ «звѣря, выходящаго изъ бездны».

Въ деревняхъ идутъ возстанія противъ большевиковъ: крестьяне перепиливаютъ комиссаровъ пилами и закапываютъ ихъ живыми, послѣ чего карательныя экспедиціи выжигаютъ цѣлыя волости и разстрѣливаютъ людей тысячами. Въ городахъ съ той же варварской жестокостью подавляются голодные бунты. Здѣсь, на югѣ, трудно составить себѣ хотя бы отдаленное представленіе о той степени ненависти, которая накипѣла по отношенію къ большевикамъ на сѣверѣ. Эта ненависть парализуется только тѣмъ ужасомъ, который они внушаютъ, и общимъ чувствомъ безпомощности противъ зла.

Страшно подозрѣвать вора и грабителя въ каждомъ ближнемъ. Но еще страшнѣе ощутить въ себѣ самомъ кровожаднаго тигра. Въ народномъ настроеніи сочетается и то и другое: и мучительное ощущеніе безграничнаго несчастья и ужасъ передъ глубиной собственнаго паденія. Тутъ-то и наступаетъ предѣлъ, гдѣ все, что есть въ человѣкѣ человѣческаго, ополчается противъ звѣринаго царства.

Въ концѣ-концовъ, человѣческой душѣ становится невыносимо море пролитой крови; она изнемогаетъ подъ тяжестью собственнаго грѣха. Помню яркій разсказъ сестры милосердія во время октябрьскаго большевистскаго возстанія въ Москвѣ. Умирающій солдатъ-большевикъ требовалъ священника для исповѣданія; но священника подъ руками не оказалось, и онъ покаялся сестрѣ. Его мучило воспоминаніе о четырехъ мальчикахъ-кадетахъ, убитыхъ имъ при взятіи кадетскаго корпуса. Онъ говорилъ: «меня увѣрили, что кадеты—всему злу виновники; вотъ я четырехъ мальчиковъ и запололъ штыкомъ. А теперь я узналъ, что кадеты виноваты, да не тѣ». Не половина ли Россіи состоитъ изъ этихъ обманутыхъ душъ, которыя теперь мучатся о содѣянныхъ темныхъ дѣлахъ и жаждутъ, чтобы кто-нибудь ихъ понялъ и простилъ. Ихъ и слѣдуетъ простить, но горе тому, кто соблазнилъ одного изъ «малыхъ сихъ».

Я слышалъ отъ священниковъ, что имъ въ качествѣ отцовъ духовныхъ приходится быть свидѣтелями глубокихъ душевныхъ драмъ людей, вовлеченныхъ въ злодѣянія демагогіей. И первое движеніе, которое зарождается подъ впечатлѣніемъ ужаса собственнаго паденія, это—тоска по утраченной святынѣ. Одинъ московскій священникъ говорилъ мнѣ, что подъ вліяніемъ сильныхъ душевныхъ потрясеній къ нему приходили каяться въ преступленіи-

яхъ солдаты-большевики, раньше по многу лѣтъ не бывавшіе у исповѣди. Однихъ мучили содѣянныя убійства, другихъ—оскорбленіе святыни, ихъ участіе въ разстрѣлѣ Кремля.

Значеніе забытой святыни познается въ ея утратѣ. Оказалось, что съ нею связано все то, чѣмъ держалось общежитіе, все то, что дѣлало человѣка человѣкомъ. Когда люди руководятся одними экономическими интересами, всякое непримиримое расхожденіе этихъ интересовъ дѣлаетъ ихъ жестокими врагами. Поэтому общество, утратившее святыни, неизбѣжно утрачиваетъ и внутренній миръ, а съ утратой внутренняго мира рушится всякое общественное единство; общество превращается въ стадо дикихъ звѣрей. Не стало благоговѣнія въ сердцахъ народныхъ, и величайшее въ мірѣ царство, которое собиралось вѣками, распалось на мелкіе куски въ нѣсколько мѣсяцевъ. Не очевидно ли, что все въ немъ держалось тѣми невидимыми духовными скрѣпами, которыя въ дни революціи были кощунственно порваны! Эта связь между тяжкимъ грѣхомъ русскаго народа и настигшей его катастрофой теперь стала очевидной даже для простецовъ и младенцевъ. Всякому понятно, что самый голодъ, отъ котораго люди гибнутъ тысячами, наступилъ не вслѣдствіе неурожая, а вслѣдствіе царящей на землѣ смуты и неправды: его причина — утрата внутренняго мира, междоусобіе, которое погубило честный трудъ. На всероссійскомъ церковномъ соборѣ мнѣ приходилось наблюдать религіозно настроенныхъ крестьянъ, которые ясно сознавали, что роковая причина развала и распада Россіи есть общее осатанѣніе. Чуткими душами изъ простого народа этотъ развалъ воспринимается, какъ состояніе земли, оставленной Богомъ, утратившей Божью благодать. Что «люди Бога забыли и стали между собою, какъ дикіе звѣри», это можно теперь услышать на сѣверѣ Россіи отъ всякаго вѣрующаго крестьянина. И это настроеніе усиливается тѣмъ негодованіемъ, которое вызываетъ непрекращающіяся кощунства и оскорбленія святыни.

Для душевнаго состоянія народныхъ массъ на сѣверѣ характерны разсказы о періодически повторяющихся чудесныхъ знаменіяхъ праведнаго суда и гнѣва Божія. Въ теченіе прошлой зимы, напримѣръ, я съ разныхъ сторонъ слышалъ разсказъ о яркомъ пурпуровомъ крестѣ цвѣта крови, который виденъ былъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ надъ Москвою, на безоблачномъ небѣ, во время солнечнаго заката. Одна знакомая барышня со всей своей семьей видѣла этотъ крестъ, зарисовала его и показывала мнѣ рисунокъ. Я не сомнѣваюсь въ правдивости этого разсказа, не думаю, чтобъ въ описанномъ явленіи было что-либо чудесное, и согласенъ объяснять его естественными причинами. Но самое естественное объясненіе тутъ приводитъ въ глубокое волненіе, потому что оно указываетъ на ту степень остраго страданія, которое переживаютъ въ Москвѣ человѣческія души. Вѣдь люди не могли бы увидѣть этого кроваваго креста въ небѣ, если бы они не носили его въ своемъ сердцѣ. Тутъ всѣ мучительныя переживанія эпохи воплотились въ одномъ яркомъ образѣ и получили неотразимую силу видѣнія. Достаточно вспомнить, что въ это время мы каждый день читали про нескончаемую Голгоѳу Россіи, про мученическую смерть священниковъ и епископовъ; а по ночамъ зловѣщій трескъ пулеме-

товъ, доходившій до слуха, возвѣщалъ о гибели сотенъ лучшихъ, самоотверженныхъ нашихъ дѣтей и братьевъ. Просыпаясь, москвичи себя спрашивали: не мой ли сынъ, не мой ли братъ, не мой ли женихъ погибъ въ эту ночь?

Помню другой случай, когда большевики возмутили народныя массы дерзкимъ кощунствомъ. Революціонный праздникъ 1-го мая въ 1918 году совпалъ со Страстной средой. Несмотря на это совпаденіе, совнаркомы устроили обычное революціонное шествіе и задрапировали Кремль красной матеріей съ яркими революціонными надписями. Одной изъ такихъ надписей «да здравствуетъ Совѣтская республика» была задрапирована чудотворная икона Николая Чудотворца на Никольскихъ воротахъ, уцѣлѣвшая отъ взрыва въ 1812 году. И вдругъ на глазахъ у толпы въ нѣсколько сотъ человѣкъ совершилось происшествіе, которое до сихъ поръ остается необъясненнымъ. Изъ ряда разсказовъ, правдивость коихъ я имѣлъ возможность провѣрить, выясняется слѣдующая картина: красная ткань, закрывавшая образъ, внезапно дала поперечную трещину, потомъ стала дробиться на отдѣльныя полосы, которыя свертывались и какъ бы тлѣли. Въ теченіе четверти часа ткань почти цѣликомъ исчезла; свидѣтели съ трудомъ разыскивали на землѣ что-то въ родѣ красной корпіи. Одинъ хорошо знакомый мнѣ и вполнѣ правдивый свидѣтель, который докладывалъ объ этомъ патріарху, изъявляя готовность подтвердить свое показаніе присягой, съ трудомъ разыскалъ на землѣ кусокъ матеріи. Желая провѣрить, не была ли матерія умышленно пропитана какими-либо химическими веществами съ цѣлью ея уничтоженія, онъ тщетно пытался разорвать ткань; она оказалась исключительно крѣпкою.

Для меня важно въ данномъ случаѣ опять-таки не то или другое объясненіе этого событія, которое можетъ быть вполнѣ естественнымъ, а **народное настроеніе**, которое несомнѣнно приняло его, какъ чудесное. Въ теченіе цѣлой недѣли большевистская милиція съ трудомъ разгоняла толпу, собиравшуюся около иконы, ружейными выстрѣлами. Толпа разбѣгалась и сходилась вновь. А 9 мая въ день праздника Николая Чудотворца, къ поруганной большевиками его иконѣ собрался со всей Москвы грандіозный крестный ходъ, какого въ Москвѣ еще не бывало. Онъ затмилъ даже раньше бывшіе зимніе крестные ходы этого же года и народныя сборища въ дни царскихъ коронованій. А революціонная процессія 1 мая по сравненію съ нимъ оказалась совсѣмъ жалкою и ничтожною.

Въ другой лекціи, читанной въ Екатеринодарѣ, я указывалъ на опасность для жизни такихъ крестныхъ ходовъ, которые во многихъ городахъ окончились разстрѣломъ толпы изъ пулеметовъ, а въ данномъ случаѣ крестный ходъ готовился подъ впечатлѣніемъ выстрѣловъ, уже бывшихъ возлѣ иконы. Но ничто не могло остановить неудержимаго народнаго порыва. Какъ свидѣтель и участникъ нѣсколькихъ такихъ ходовъ, могу сказать, что слово «энтузіазмъ» не подходитъ для ихъ характеристики, въ виду ихъ необычайно сосредоточеннаго и серьезнаго настроенія. Люди готовятся къ нимъ причастіемъ, считаясь съ возможностью смерти, идутъ съ пѣніемъ «Святый Боже» и «Кресту Твоему». Это что-то въ родѣ торжественныхъ шествій съ Плащаницей. И только однажды на

Красной площ. мнѣ[illegible] ъ январ[illegible]
пѣнье—«Христосъ [illegible]». Это восторженное пѣнье было отвѣтомъ на разстрѣлъ Кремля большевиками. Кругомъ все свидѣтельствовало о разрушеніи и смерти: и прострѣленныя главы церквей, и бреши въ кремлевскихъ стѣнахъ, и свѣжія могилы большевиковъ, зарытыхъ «по-граждански» на площади. Но какъ бы ни была мрачна эта картина,—всякая тяжесть спала съ души, когда на площади тысячи голосовъ запѣли этотъ восторженный, торжественный гимнъ воскресенія.

По всей Россіи прошла волна этихъ крестныхъ ходовъ, всюду принимавшая величественные размѣры. Въ движеніи участвовали не только города, но и села. Такъ, напримѣръ, зимою 1918 года патріархъ выѣзжалъ въ окрестности Богородска на крестьянскій крестный ходъ, въ которомъ участвовали десятки тысячъ крестьянъ изъ сотенъ селеній.

Движеніе несомнѣнно приняло характеръ всенароднаго сдвига; и съ этой точки зрѣнія трудно достаточно высоко оцѣнить его значеніе. По отношенію къ большевикамъ оно уже проявило внушительную силу сопротивленія. Эти массы, которыя шли десятками и сотнями тысячъ съ рѣшимостью постоять за святыню, вселили тревогу въ ряды большевиковъ и заставили считаться съ собою. Въ цѣломъ рядѣ случаевъ народные комиссары оказались вынужденными отступить передъ напоромъ народныхъ массъ. Такъ, напримѣръ, зимою 1918 года большевики пытались захватить и націонализировать Александро-Невскую лавру въ Петроградѣ съ цѣлью превратить ее въ благотворительное учрежденіе. Въ отвѣтъ на эту попытку духовенство, руководимое мужественнымъ митрополитомъ Веніаминомъ, соорудило гигантскій крестный ходъ къ Лаврѣ, который запрудилъ весь Невскій: испуганные комиссары принуждены были очистить Лавру. Потомъ изъ разныхъ городовъ и селъ Россіи стали получаться извѣстія, что примѣръ Петрограда вызвалъ подражанія. То здѣсь, то тамъ въ отвѣтъ на покушеніе большевиковъ на ту или другую святыню или арестъ священника колокола звонили въ набатъ, народныя массы собирались и вынуждали большевиковъ къ отступленію. Въ Москвѣ и въ другихъ городахъ составились союзы объединенныхъ приходовъ, которые всюду разработали опредѣленный планъ организованной защиты святынь противъ нападеній, при чемъ ударъ колокола въ набатъ и крестные ходы играли тутъ видную роль. Большевики были крайне встревожены этимъ народнымъ движеніемъ и воспретили набатный звонъ подъ страхомъ смертной казни.

И, однако, въ главномъ и основномъ они должны были уступить. Наиболѣе кощунственные пункты декрета объ отдѣленіи церкви отъ государства, именно тѣ изъ нихъ, коими имѣлось въ виду нанести церкви уничтожающій ударъ, остались безъ осуществленія. Такъ, декретъ и изданная въ дополненіе къ нему инструкція предусматривали полную націонализацію всѣхъ церковныхъ имуществъ, въ томъ числѣ храмовъ и священныхъ предметовъ. Въ десятидневный срокъ всѣ храмы со всѣмъ, что въ нихъ имѣется, должны были быть переданы большевистскимъ властямъ, и затѣмъ обратно переданы для пользованія группамъ вѣрующихъ подъ кон-

пролемъ совѣтскихъ властей. Возмущенный этой кощунственной мѣрой всероссійскій церковный соборъ категорически воспретилъ передавать большевикамъ храмы и священные предметы. Это произошло осенью минувшаго года. Съ тѣхъ поръ, по заведеннымъ справкамъ, націонализація примѣнялась лишь къ имуществамъ, не имѣвшимъ священнаго значенія, и только въ видѣ исключенія—къ отдѣльнымъ домовымъ церквамъ. Въ общемъ же націонализація храмовъ потерпѣла полное крушеніе.

Какъ бы ни была велика сила движенія, глубоко ошибались тѣ, кто ожидалъ отъ него организаціи государственнаго переворота. Оно держалось на чисто религіозной высотѣ, и въ этомъ обнаружилась глубокая мудрость его руководителей. Не говоря уже о томъ, что церкви не къ лицу устраивать вооруженныя возстанія,—это движеніе нанесло большевикамъ самый сильный ударъ именно тѣмъ, что оно было чисто религіознымъ и держалось вдали отъ партійной политики. Дѣло церкви—не призывать къ оружію, а врачевать человѣческія души. Именно этимъ врачеваніемъ она подрываетъ психическіе корни большевизма.

Не слѣдуетъ забывать, что большевизмъ—прежде всего глубокая психическая зараза. Онъ силенъ лишь постольку, онъ властвуетъ надъ человѣческой душою. Поэтому и преодолѣть его можно только вырвавъ его корни въ человѣческой душѣ. О томъ, до какой степени невозможно побѣдить большевиковъ одной силою физическаго принужденія, и свидѣтельствуютъ хотя бы недавнія событія на Украинѣ. Тамъ германская оккупація загнала большевизмъ въ подполье; но, какъ только нѣмецкія войска ушли, вся страна сразу оказалась насквозь пропитанною большевизмомъ и подпала совѣтской власти. Ясно, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ массовою психическою болѣзнью, которая можетъ быть побѣждена только глубокимъ внутреннимъ переворотомъ, кореннымъ переломомъ въ самой народной психикѣ.

Этотъ переломъ теперь и совершается на сѣверѣ. Минувшею зимою мнѣ пришлось наблюдать наше великорусское религіозное движеніе и на площадяхъ, и въ храмахъ, и въ многолюдныхъ собраніяхъ, и на всероссійскомъ церковномъ соборѣ. Могу выразить мои впечатлѣнія двумя словами—происходитъ очищеніе души народной. Вы чувствуете, какъ она оживаетъ, приходитъ въ себя и всѣмъ нутромъ освобождается отъ накопившейся въ ней мерзости.

Что переживаютъ эти массы, которыя съ восторженными слезами молятся и поютъ на площади? Вся тяжесть мучительныхъ переживаній спадаетъ у нихъ съ души; побѣждается обликъ звѣриный, человѣкъ становится человѣкомъ. И тѣмъ самымъ возстановляются тѣ невидимыя духовныя связи, которыми раньше крѣпка была Россія! Это—душевное состояніе того бѣсноватаго, который по изгнаніи изъ него легіона бѣсовъ вышелъ изъ гробовъ и сѣлъ у ногъ Спасителя. Цѣною величайшихъ страданій дается человѣку эта легкость духа. Вспомните слова Христовы: **родъ сей изгоняется молитвой и постомъ.**—Изо дня въ день строже и мучительнѣе становится вынужденный постъ русскихъ людей. Изо дня въ день положеніе представляется все болѣе и болѣе отчаяннымъ, безвыходнымъ. И вотъ, въ минуты, когда не видно ниоткуда ни просвѣта

ни надежды, голодные и изстрадавшіеся люди собираются въ хра мы, падаютъ на колѣни, молятся, и тѣмъ самымъ совершается вели кое жизненное дѣло поста и молитвы. У людей выростаютъ невидимыя крылья, которыя высоко поднимаютъ ихъ надъ заплеснув шей міръ грязною волною. Бѣса уже нѣтъ въ человѣческой душѣ, прошедшей черезъ очищающее страданіе. Она освобождается отъ него всѣмъ существомъ своимъ, внутренно, органически.

Мы живемъ въ эпоху великихъ міровыхъ контрастовъ. Съ одной стороны, самъ сатана сорвался съ цѣпи. А съ другой стороны, на борьбу съ разнузданными силами зла мобилизовались всѣ духовныя силы, какія есть въ человѣческой душѣ.

Въ дни глубочайшей скорби и ужаса рождается въ мірѣ высшая красота духовнаго подвига. Въ церкви вновь показывается забытый міромъ ликъ Христовъ. Опять, какъ въ языческомъ Римѣ, льется кровь мучениковъ. То вдругъ доносится вѣсть про священника, который смѣлымъ словомъ проповѣди пытался остановить неистовства солдатъ-большевиковъ и за это былъ поднятъ на штыки. То приходитъ извѣстіе объ епископѣ, которому выкололи глаза и вырѣзали щеки за смѣлое слово изобличенія противъ насильниковъ, или про митрополита, который былъ разстрѣлянъ за то, что отказался по требованію большевиковъ передѣлать монастырь на мірской образецъ. Такъ скончался кіевскій митрополитъ Владиміръ.

Пока народъ видѣлъ церковь въ мірскомъ почетѣ и великолѣпіи, онъ не вѣрилъ своимъ пастырямъ, инстинктивно чувствуя, что мірское покровительство покупается цѣною духовнаго рабства. Большевистская демагогія искусно использовала это паденіе духовнаго авторитета, чтобы изобразить священниковъ, какъ приспѣшниковъ мірской реакціи. И вдругъ послѣ паденія — опять неожиданный подъемъ. Церковь, ограбленная, нищая, гонимая, вновь зажгла сердца, вернула утраченное вліяніе и пріобрѣла всю ту духовную мощь, которая создается кровью мучениковъ.

Мірское обнищаніе и духовное возрожденіе — два тѣсно связанныя между собою явленія. Въ церкви вообще пробуждается духовная жизнь. Казенное чтеніе проповѣдей по тетрадкамъ замѣнилось живымъ словомъ. Появились проповѣдники, которые увлекаютъ слушателей, начались оживленныя бесѣды въ храмахъ. И чего не было у насъ вѣками,—появился духовный вождь. Патріархъ Тихонъ, мечущій громы противъ народныхъ комиссаровъ, сталъ обличать ихъ засилье съ той силой и властью, какой русская церковь не видала со дней митрополита Филиппа, обличавшаго Грознаго. За каждое слово, сказанное имъ властямъ, ему грозитъ разстрѣлъ. Его спасаетъ только страхъ, который внушаетъ врагамъ церкви необычайное его обаяніе въ народѣ.

Иными словами, на сѣверѣ Россіи совершается теперь глубокій переломъ во всемъ настроеніи, во всемъ духовномъ складѣ народномъ. Не столько внѣшнія событія, сколько именно такіе душевные перевороты рѣшаютъ судьбу людей и судьбу народовъ. То, что происходитъ въ политической жизни и на полѣ сраженія—только послѣдствія этихъ невидимыхъ глазу, но полныхъ глубокаго значенія внутреннихъ событій. Тотъ духовный подъемъ, который нѣ-

вышелъ изъ монастырской обители. Въ минуту, когда все дрожало передъ татарами, смиренный монахъ вдохнулъ мужество въ русскую рать. Раньше подвига Дмитрія Донского, судьба Россіи была рѣшена подвигомъ святого Сергія. Такъ же и теперь то, что произойдетъ на полѣ сраженія, будетъ лишь послѣдствіемъ внутреннихъ духовныхъ переживаній.

Сейчасъ начинается переломъ военнаго счастья на востокѣ. Красные бѣгутъ передъ Колчакомъ, ихъ полки разлагаются, бунтуютъ и переходятъ на сторону противника. Люди поверхностные будутъ объяснять достигнутые успѣхи рядомъ видимыхъ, бросающихся въ глаза причинъ: организаторскимъ геніемъ Колчака, искусствомъ его полководцевъ, ошибками большевиковъ. Всѣмъ этимъ факторамъ, разумѣется, принадлежитъ извѣстное значеніе. Но значеніе рѣшающее принадлежитъ все-таки не имъ, а перемѣнамъ въ духовной атмосферѣ. Пока на сѣверѣ Россіи царило то увлеченіе большевизмомъ, которое теперь еще замѣчается въ Украинѣ ,и военные подвиги и искусство полководцевъ были безсильны. Но, къ счастью, теперь уже совершилось рѣшающее для Россіи событіе. Въ глубокомъ тылу у большевиковъ одержана надъ ними великая духовная побѣда. **Сломлена власть большевизма надъ душою народною,** и сейчасъ онъ живъ только послѣдними остатками этой власти. Когда большевистскіе полки окончательно распадутся и разложатся, это будетъ значить, что душевный переломъ въ народныхъ массахъ завершился.

Въ этомъ—вся суть. Одними штыками да пулеметами большевики не удержатся: вѣдь, въ концѣ-концовъ, штыкомъ и пулеметомъ руководитъ духъ. Отъ духа зависитъ, куда и какъ направить пушки и ружья. Въ этомъ—полное ниспроверженіе всей попытки построить человѣческое общество на однихъ матеріалистическихъ началахъ. Какъ бы совершенной и прочной ни казалась эта постройка, если нѣтъ въ ней невидимыхъ внутреннихъ связей, ее скрѣпляющихъ, рано или поздно она рухнетъ, какъ домъ, построенный на пескѣ. Когда стараніями большевиковъ десятимилліонная русская армія стала тѣломъ безъ духа, она разсыпалась на мельчайшія части, обратилась въ пыль. Когда завершится происходящее нынѣ очищеніе души народной, то же самое произойдетъ и съ большевистской арміей; тогда ни строгость наказаній, ни военное искусство не будутъ въ состояніи сдѣлать мертвое живымъ.

Въ то самое время, когда большевистское общественное строеніе разлагается, тѣ духовныя связи, которыми раньше держалась Россія, начинаютъ возстанавливаться. Казалось, большевизмъ раздробилъ общество на непримиримо враждующіе между собой классы. Въ этомъ и есть тайна его разрушительной силы. Величайшее его торжество въ томъ и заключалось, что не стало единаго народа русскаго. Остались на сценѣ только «буржуи» да «бѣднота», которые встрѣчались лишь въ цѣляхъ взаимнаго истребленія.

Но вотъ въ великомъ нашемъ религіозномъ движеніи произошла иная встрѣча этихъ классовъ. Въ церкви классовая рознь побѣждается, для нея нѣтъ ни буржуя ни пролетарія. Тамъ человѣкъ сразу чувствуетъ себя поднятымъ на высоту сверхклассоваго міра.

И тѣмъ самымъ возстановляется единство разрушеннаго цѣлаго— это что-то въ родѣ національнаго воскресенія. Вы снова видите передъ собою тотъ **единый русскій народъ,** который въ дни гражданской войны, казалось, совсѣмъ исчезъ изъ вашего поля зрѣнія. Это—исцѣленіе въ буквальномъ смыслѣ, потому что въ немъ возстановляется нарушенная цѣлость народная. Я не преувеличиваю, это—осязательный фактъ, на сѣверѣ всякій можетъ его наблюдать.

Въ храмахъ, на крестныхъ ходахъ и во всѣхъ религіозныхъ собраніяхъ вы наблюдаете одно и то же явленіе: рушится всѣ классовыя перегородки. Тутъ и рабочая блуза, и пиджакъ, и шляпа, и сингерскій платокъ — все густо перемѣшано; но простонародья безъ всякаго сравненія больше. Одна интеллигенція сама по себѣ не могла бы дать и десятой доли тѣхъ многолюдныхъ сборищъ, которыя заполняютъ московскія площади и улицы. Такъ же и на собраніяхъ вы слышите рѣчи людей всѣхъ званій и состояній. И всѣ думаютъ и говорятъ только объ одномъ, что безконечно далеко отъ классовыхъ интересовъ: какъ защитить противъ насильниковъ поруганную святыню, какъ спасти гибнущую Россію. И тѣ скорбныя рѣчи крестьянъ о ея паденіи, какія мнѣ приходилось слышать на церковномъ соборѣ, принадлежали къ числу самыхъ искреннихъ и сильныхъ.

Народное самосознаніе сливается въ этомъ духовномъ общеніи всѣхъ классовъ: въ немъ русскій человѣкъ снова находитъ утраченную родину. Это не удивительно. Въ прошломъ вся Россія созидалась тѣмъ духовнымъ подъемомъ, который теперь возрождается на сѣверѣ. Теперь онъ возстановляетъ порванную связь поколѣній. Въ прошломъ этотъ спасительный подъемъ зарождался въ минуты грозной опасности, въ глубочайшихъ народныхъ страданіяхъ. Въ нынѣшнемъ центрѣ всероссійскихъ событій—въ Московскомъ Кремлѣ каждый камень свидѣтельствуетъ о той духовной силѣ, которая нѣкогда создала Россію. Отсюда—созиданіе памятниковъ церковнаго и государственнаго строительства. Расцвѣтъ могущества московскаго государства, завершеніе національной побѣды надъ татарами ознаменовалось сооруженіемъ кремлевскихъ соборовъ. Ихъ золотыя главы, которыя, какъ горящія свѣчи теплятся къ небесамъ, представляютъ собою геніальное образное выраженіе народной молитвы за Россію. А на Красной площади—другое напоминаніе о той же связи духовнаго и мірского — храмъ Василія **Блаженнаго,** построенный въ память покоренія Казани. Фантастическіе узоры его яркихъ цвѣтовъ и красочные купола, вьющіеся ко крестамъ, **говорятъ намъ о могучей** растительной силѣ земли, которая движется къ небесамъ Божьей благодатью. Вся та красота земли, о которой говоритъ этотъ храмъ, рождается изъ подъема ко кресту.

Когда въ 1917 году народная жизнь сдвинулась со своихъ вѣковыхъ основъ, эти храмы стали чуждыми и непонятными народу. Объ этомъ отчужденіи свидѣтельствуютъ и сейчасъ прострѣленныя церковныя главы да запертыя ворота Кремля, который сталъ мѣстопребываніемъ китайцевъ и латышей.

Трудно найти болѣе яркое символическое изображеніе судьбы, постигшей Россію. Московскій Кремль—обычное образное олицетвореніе русской державы—отнятъ у народа, утратившаго свою святы-

ню. Онъ перешелъ къ китайцамъ и латышамъ съ того дня, когда русскіе солдаты стали сами разстрѣливать свои храмы.

Но кончился этотъ мрачный періодъ самоубійства народнаго, Россія снова возвращается къ забытымъ святынямъ. Долго ли, коротко ли продолжится положенный ей срокъ очищенія, про то мы не знаемъ. Одно достовѣрно — когда срокъ этотъ кончится, кремлевскіе соборы снова будутъ наши. Утраченное царство вернется лишь тогда, когда вернется одухотворявшая его благодать.

Вопросъ о томъ, какъ и когда это совершится, важенъ не для насъ однихъ. Во всемъ мірѣ назрѣваетъ попытка перестроить общество на матеріалистическихъ началахъ. Всѣмъ народамъ угрожаетъ одинъ и тотъ же провалъ въ темную глубину звѣринаго царства. Наши русскія событія—не болѣе какъ мѣстное проявленіе великой міровой драмы. Поэтому процессъ духовнаго возрожденія, который начинается теперь въ Россіи, имѣетъ не мѣстное только, а общее міровое значеніе.

Вопросъ ставится необыкновенно остро: что восторжествуетъ въ мірѣ—человѣческое или звѣриное? Исторія даетъ на этотъ вопросъ ясный и глубоко поучительный отвѣтъ. Человѣчество можетъ быть спасено отъ угрожающаго ему паденія только черезъ подъемъ въ высшую надчеловѣческую сферу. Какъ только человѣческая жизнь сдвигается съ своихъ религіозныхъ основъ, она тотчасъ утрачиваетъ все специфически-человѣческое и роковымъ образомъ подпадаетъ темной власти звѣринаго царства.

Человѣкъ не есть высшее въ мірѣ существо. Онъ выражаетъ собою не тотъ конецъ, куда міръ стремится, а только серединную ступень мірового подъема. И вотъ оказывается, что на этой серединной ступени остановиться нельзя. Человѣкъ долженъ сочетаться или съ Богомъ или со звѣремъ. Онъ долженъ или пережить себя, подняться надъ звѣздами, или провалиться въ пропасть, утративъ свое отличіе отъ всего, что на землѣ ползаетъ и пресмыкается. На свѣтѣ есть двѣ бездны, тѣ самыя, о которыхъ нѣкогда говорилъ Достоевскій, и средняго пути нѣтъ между ними. Всѣ народы міра должны рѣшить ясно и опредѣленно, къ которой изъ двухъ они хотятъ принадлежать.

Тотъ путь звѣринаго царства, куда большевизмъ увлекаетъ міръ, есть путь смерти. А тотъ, другой путь, куда теперь поворачивается русское народное самосознаніе, есть путь воскресенья. Въ этомъ и есть то освобождающее слово, которое должно спасти Россію, а съ нею вмѣстѣ и всѣ народы вселенной.

КН. ЕВГЕНІЙ ТРУБЕЦКОЙ.

АННУЛИРОВАНО